

Op84
P94
A-407495

Павел Рыков

18+



САЛТЫН

роман

Op 84
p 94
Op 84

Павел Рыков

84(2=НН.2)6-4

САЛТЫН

роман

а-407495

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва

«Вест-Консалтинг»

2020

MP

кет

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р94

Рыков П. Г.

Р94 Салтын/ Роман — М.: «Вест-Консалтинг», 2020 — 120 с.

ISBN 978-5-91865-621-1

Это история ЛЮБВИ маленькой, гонимой, изнасилованной девочки-женщины и её сына-инвалида. Они имели неосторожность родиться в то время, когда жизнь человеческая не стоила равным счётом ничего. Тем более, жизнь маленького человечка, абсолютно беззащитного, чудом уцелевшего в материнской утробе, и всё же погибшего, потому что Время, порой, подобно мчащемуся, тяжело нагруженному составу. И горе тому, кто оказывается на его неотвратимом пути...

*В оформлении обложки использована
картина «БЕГСТВО В ЕГИПЕТ»
Автор АНАТОЛИЙ КОНЦУБ (Республика Беларусь).*

© Рыков П. Г., 2020

© Концуб А., картина на обложке, 2020

© «Вест-Консалтинг», оформление, 2020

Роман посвящён детям:

ЕКАТЕРИНЕ и КОНСТАНТИНУ

*«БЛАЖЕННЫ КРОТКИЕ,
ИБО ОНИ НАСЛЕДУЮТ ЗЕМЛЮ»*

(МТФ. Г.5 ст..5)

Некоторые полагали, что Салтын — подлинное его имя. Но нет имени Салтын у русских. А у каковских есть? Ни у каковских; Хоть украинцев возьмите, или татар, даже у евреев спроси и у степняков-кыргызцев, и у тех не найдёте. А его Салтын да Салтын. Он иногда откликался, когда его кто-нибудь эдак назовёт. Но чаще всего будто не слышал. Идёт мальчишечка по пристанционному посёлку; левой ногой ступит, правой подгребает. Здесь-то ему привольно, к нему привыкли. А если в райцентр пойти, то тамошних мальчишек, он приводит в исступление. Бегут за ним бесенята, кочевряжатся, языки высовывают. Могут запросто камнем лукнуть. А он идёт да идёт. Потому, что сегодня суббота и на базарчике завозный день, А раз так — может кой-что перепасть в самом конце торговли. Салтыну всё годно — хоть бы и мясные отонки, хоть бы крыхмочку чего-нибудь такого, что можно в рот положить. Дурак-то он, дурак, пацанчик ещё, а всё ж добытчик, материн помощник. Вот, и идёт. А коли, допекут его сорванцы, встанет, лицо у него как-то по-особому расправится, и даже густящие чёрные волосья вздыбятся. Ощерится — и тогда видны плохо чищенные, с желтизною, клыки. Большущие, почти собачьи.

— Салтыын! — кричит он своим нутряным голосом, столь не соответствующим щуплому его тельцу, и мальчишкам становится жутковато. Кто-то из мимо проходящих взрослых шуганет стайку дразнильщиков. И Салтын опять продолжает путь,

устремляя свой левый глаз вперед. А правый, на перекошенном его лице, вылезавший из орбиты, смотрит вбок, но, похоже, не видит. Хотя, как знать?! Его не спросишь — видит он этим глазом или не видит. А спросишь, не ответит — никаких других слов, кроме слова Салтын, за ним не замечали. Так он шествует, подволакивая более короткую и несколько вывернутую правую ногу, оставляя в дорожной пыли след, словно охотничья лыжа прошла. Лицо его можно назвать и одухотворённым, такая в нём одержимость. Но... зелёно-серая сопля в ноздрю толщиной, почти постоянно — и зимой, и летом, нависающая над губой! Она-то и отвращает иных от подаяния. Хотя кое-кто готов, при случае, помилосердствовать. Но перебороть тошноту не в силах и отворачиваются, завидев бредущего. Или же положат на придорожную траву пару картофелин. А Салтын когда возьмёт, а когда и мимо пройдёт. Их, убогих, не понять: бестолков ли, горд ли по тайной, безумной своей гордостью, обуян ли некими высшими размышлениями — кто скажет? И кому задумывается о его мыслях? Кому печаловаться о нём? И о нём ли печаловаться, когда кругом послевоенная нищета, можно сказать, полуголод, хотя карточки на продукты питания Иосиф Виссарионович отменил, да толку — чуть. Есть люди и понужнее, чем пристанционный идиот. Такие, о ком слеза на глаза наворачивается сама собой — обрубки и ошмётки великой победы. Кое-кто из них вполне приголублен — хоть такой да вернулся. Хоть и полмужика, но мужик в доме. А кто-то и не нужен такой, бывшей жене в тягость. Она покряжистее зацепила, пока муж после ранения в госпиталях ушивался. И плевать на осуждение соседское. Она всем напоказ развешивает на верёвке и прищепками прихватывает стиранное новомужнино исподнее: кальсоны солдатские с завязочками и рубахи такие же форменные. Нате вам, товарочки; у меня не только штаны мужеские в доме, но и то, что в штанах — тоже моё. И не зарьтесь! Глаза повыцарапаю.

А Салтын той порою бредёт к базарчику. Но сегодня день неудачный. Ничегошеньки не подадут существенного. Если не считать стаканчика махонького жареных семечек. Стаканчик

и не стаканчик вовсе, а всего лишь стопочка. Стограмовочка гра-
ненная, если водку наливать. И то ладно. Баба Фрося скручивает
кулёк из старой газеты. Сыплет семечки. Подумавши чуть, до-
бавляет полстопочки и кладёт подаяние в самосшитую торбу,
что висит у Салтына через плечо на длинной лямке. И крестится.
И Салтына крестит. Авось, зачтётся на Страшном Суде. Там лю-
бая малость — в счёт.

Теперь надо возвращаться домой, в пристанционный посё-
лочек. Дорога известная. Назад он бредёт не посреди дороги,
а ближе к домам. Вдруг кто-то смилостивится. Бывает же всякое!
На крыльце дома с крепкими крашеными ставнями стоит дядя
Яша с базы потребкооперации. Он в гимнастёрке, утянут коман-
дирским ремнём так, что пузень сверх ремня выпирает, словно
перестоявшее тесто из корчаги. Салтын замедляет ход.

— Проходи! Проходи! — вскрикивает дядя Яша. Он убогих
сторонится и верит, что от них самый сглаз. — Узы его! — ко-
мандует он двум медеянским кобелям, лежащим в палисадни-
ке. Кобели страшные, зубатые, брехливые и охочие до косточек.
Они подскакивают, взрёвывают и бросаются вперёд. Салтын
подходит к палисаднику, просовывает руку между штакетин,
и безумствовавшие, было, псы начинают тыкаться носами в руку
побирушки. А он присаживается, и прижимается лицом к шта-
кетинам, и собаки норовят вылизать ему лицо. Дядя Яша визжит
и топает ногами: «Узы его! Узы!». А толку чуть. Собаки ластят-
ся к Салтыну, хвосты безостановочно выражают собачью при-
язнь — того и гляди, оторвутся. Это ли не сглаз! Салтына вообще
все собаки любят. Ни одна не бросится. Что-то они в нём такое
чуют, такое, такое... А какое? Поди, их собак, разбери.

Теперь до пристанционного посёлочка, обсевшего полукругом
красное двухэтажное деревянное здание вокзала и красную же
кирпичную водонапорную башню, рукой подать. Тут прожива-
ют люди иного склада, чем в райцентре. Они — пристанцион-
ные, рабочий класс. С паспортами. Не какая-нибудь деревенщи-
на беспаспортная. Путьцы, обходчики вагонов, которых иначе
чем с молотком на длинной ручке представить невозможно,

стрелочники, водопроводчики, обслуживающие башню. А те, кто за путями следит! А семафоры! Чуть не забыл про семафоры! Тоже требуют услуги. Их два: на входе и на выходе со станции. Станция-то серьёзная. На всех железнодорожных схемах всего Союза Советских Социалистических Республик обозначена, правда, мелкими буквами: ГОРЕЛЫЙ ЯМ. Название историческое. Некогда, в дожелезнодорожную пору здесь пролегал почтовый тракт. Говорят, какая-то царица путь держала. И даже сам Пушкин по нему промчался, когда пугачёвские следы в степях оренбургских отыскивал. Тут испокон века стояла почтовая станция, где, по-обыкновению, гуртовались ямщики да лошадей перекладных меняли. Оттого и Ям — становище ямщицкое. Вроде бы, пугачёвцы, либо иные лихие люди, станцию сожгли. Дотла сгорела. Потом, конечно, отстроили, но прозвище Горелый Ям, прижилось. А когда тянули рельсы, название оставили прежнее. Так появилась станция железной дороги. Не какой-нибудь номерной разъезд. Целых три пути. Перрон пассажирский — всё путём. Так что, если придётся, может и курьерский принять и обслужить. Перрон, конечно, для вагонов первого класса, а теперь и цельнометаллических мягких. Выходите, граждане пассажиры, промните ножки. А те, кто из общих вагонов для простецкого люда, на землю прямиком спрыгнут, и поспешают с чайниками да котелками к будочке, на которой красным по белому казённым шрифтом с дореволюционных ещё времён кирпичами выложено: «КИПЯТОКЪ». И, правда, из стены торчат два крана. Один — горячий. А другой, как водится, холодный — прямиком из скважины вода. Вкуснящая! С чётной стороны, перед выходной стрелкой — пузатый, приземистый пакгауз, куда сваливают из почтового вагона всяческие грузы и корреспонденцию в плотных брезентовых мешках. Но, курьерские поезда станцию минуют без остановки. Паровозы у них «ФД». Хыкают мощно и часто, издалека гордо порёвывая, чтобы никто поперёк пути не встал. Другое дело — грузовые да пассажирские и местный, наречённый «Барыгой». Этот — не заносится. Стоянка, граждане пассажиры, двадцать минут. Причина в локомотиве. Паровоз

серии «ОВ» — в просторечии «овечка» — отцепляется от состава и, задышливо попыхивая, подкатывает к брезентовому рукаву, свисающему с крана водокачки. Помощник машиниста лезет в тендер, открывает люк и направляет рукав в горловину. Потом кричит: «Гриша, давай»!. Водяной бог крутит штурвал, и вода начинает рушиться вниз.

— Свежая сегодня? — С нарочитой строгостью спрашивает машинист Михал Фокеич у водяного Гриши, высовываясь из окошка паровозной будки.

— Ха-ха-ха! — смеётся привычной шутке Водяной.

Вода на станции действительно хороша: мягкая, даже сладкая. Та, что паровозу нужнее нужного, чтобы трубы в котле не известковались. Умели же найти воду прежние инженеры — дорога-то при царе-батюшке прокладывалась. А в райцентре жестковата водичка. Кое-кто из райцентровских приезжает на бричке набрать воды, жене голову помыть. Всем не позволяют. Но Марье Михайловне — первой красавице района, жене председателя исполкома не угодить — грех. Хотя, станционные местной власти не подотчётны.

Михал Фокеич Салтына, жалеючи, привечает. Позволяет в будку залезть. В будке тепло, особенно когда по команде машиниста раскрывается топка, и кочегар дядя Саша начинает подбрасывать уголёк в ненасытную пасть. Салтына непременно угощают чаем и варёной картошкой, к которой полагается не сильно толстый, но и не совсем прозрачный ломтик сала, пахнущего чесноком. Салтын прожёвывает сало жадно, обжигается картофелиной, поспешает, потому что, как только вода прекратит литься, надо спускаться на землю. Слез. Михал Фокеич даёт гудок, толкает рычаг реверса, и машина, проворачивая дышлами колёса, пыхнет паром, дерганёт вагоны и отправится в дальнейший путь. Теперь можно домой. А дом тут же рядом. На нём-то и красуется надпись «Кипятокъ». Дом — это, конечно, сильно сказано — скорее закуточек. Но с печкой. И лежанка впритирку к печке есть. Значит, жить можно. А в доме — мама. Она поддерживает огонь под кубом, в котором аккурат к приходу

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.